

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА
И РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА:
ОПЫТ КОМПАРАТИВИСТСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Похилько Александр Александрович, аспирант

Пятигорский государственный лингвистический университет
357500, Российская Федерация, г. Пятигорск, ул. Калинина, 9
E-mail: alex_viper90@mail.ru

В представленной статье рассматривается проблема «исламской угрозы», раскрываются социально-политические истоки «исламизма», анализируются потенциальные возможности исламских учений как мобилизирующей и интегрирующей социальной силы, представлены факторы в сравнительном описании, свидетельствующие о взаимосвязи политического радикализма и религиозного экстремизма, раскрыта эволюция фундаментализма как иррационального явления, создающего основу для противодействия модернизации и демократизации общества.

Ключевые слова: исламский фундаментализм, международный терроризм, «борьба культур», исламизм, политический радикализм, религиозный экстремизм, религиозный фанатизм, «исламское пробуждение»

**THE RELATIONSHIP OF POLITICAL RADICALISM AND RELIGIOUS EXTREMISM:
THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE RESEARCH**

Pokhilko Alexander A., postgraduate student

Pyatigorsk state linguistic university
9 Kalinina st., Pyatigorsk, 357500, Russian Federation
E-mail: alex_viper90@mail.ru

Annotation: In the present article the problem of the «Islamic threat» reveals the socio-political origins of «Islamism», analyzes the potential of Islamic teachings as a mobilizing and integrating the social forces represented in the comparative description of the factors showing the relationship of political radicalism and religious extremism, fundamentalism, revealed how evolution irrational phenomena, creating the basis for the modernization of the counter and the democratization of society.

Keywords: Islamic fundamentalism, international terrorism, «the struggle of cultures», Islamism, political radicalism and religious extremism, religious fanaticism, «Islamic awakening»

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется невиданной активизацией исламского фундаментализма и международного терроризма, что позволило утвердиться в сознании людей образ «исламской угрозы» как реальной опасности для всего мирового сообщества.

Американский политолог С.Ханингтон разработал концепцию «борьбы культур», которая заключается в конфронтации между мусульманской и христианской цивилизациями вдоль так называемой дуги нестабильности (Ближний Восток – Кавказ – Юго-Восточная Азия).

Ещё в недавнем прошлом французский политолог А. Минк считал, что многоликость ислама не позволит ему стать серьезной силой, угрожающей миропорядку в будущем. Он писал, что ислам «не сыграет по отношению к нам роль коммунизма, то есть монолитного, предсказуемого врага. Ему не хватает единообразия, сплоченности, солидарности» [8, с. 32].

Американский исследователь Дж. Эспозито полагал, что «...ислам и большинство исламских движений не являются антизападными, антиамериканскими или антидемократическими по своей природе. Будучи вызовом устаревшим концепциям утвердившегося порядка и авторитарным режимам, они не обязательно угрожают американским интересам. Для нас вызов – в том, чтобы лучше понимать историю и реалии мусульманского мира. Признание многообразия, многоликости ислама опрокидывает наши представления о единой исламской угрозе» [5, с. 32–33].

По мнению Г. Фуллер тоже не предвидел политической силы ислама и считал, что «исламизм, включившись в политическую систему, со временем неизбежно ослабеет по нескольким причинам. Основная причина состоит в том, что у исламистов нет уникальных ответов на существующие вопросы, хотя и могут быть интересные варианты решения отдельных проблем. Утверждая, что ислам является единственным ответом, они исключают себя из политической системы. Не существует никакого исламистского единства, которое могло бы сохраниться на протяжении длительного времени. Опыт внедрения ислама в политику даже в ограниченных масштабах уменьшит его динамизм и привлекательность» [6, с. 23–24].

Аналитики из мусульманских стран, такие как палестинец Фуад ас-Саег, давали невысокую оценку роли ислама в жизни общества и в решении международных проблем, полагая, что

«ислам не имеет какого-либо заметного влияния на мотивацию, планирование, принятие решений, а также на язык политиков как нейтральных, так и не нейтральных мусульманских государств» [11].

Следует признать, что и на Западе, и на Востоке имела место недооценка степени влияния ислама на широкие народные массы в мусульманских странах, а также потенциальных возможностей как мобилизующей и интегрирующей социальной силы. Уже к середине XX в. на карте мира появились десятки государств, в которых господствует идеология ислама, и ещё десятки государств, в которых сложились и осуществляют деятельность мусульманские общины. К началу 80-х гг. XX в. отношение журналистов, политиков и учёных к исламу коренным образом изменилось. Общепринятым стало утверждение о том, что мусульманская религия переживает бурное возрождение, что она уже превратилась в самостоятельную политическую силу практически во всех мусульманских государствах и играет всё более заметную, причём по преимуществу деструктивную роль и на международной арене. Следует отметить изменения в сфере общественного сознания, произошедшие на рубеже XX–XXI вв. Развитие национального самосознания и национализма наполнили новым содержанием традиционные положения ислама о единстве всех мусульман. Джамал-ад-дин ал-Афгани сформулировал идею единения всех мусульман, которая обрела форму концепции панисламизма и широко распространилась в мусульманском мире. Наряду с панисламизмом, предусматривавшим объединение мусульман на конфессиональной основе, широко распространился и мусульманский национализм, требующий обособления мусульманских общин от других конфессий. Со временем национализм пропитал все направления мусульманской общественной мысли, принимая всё более агрессивный, экстремистский характер [9].

Повсеместное возрастание роли ислама привело к тому, что произошло усиление активности исламских движений, которые оказывают большое влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику правящих кругов даже светских государств.

Таким образом, как ответ на изменившиеся геополитические условия жизни современного общества политический радикализм вступает в свой новый виток – религиозный экстремизм. Классическим примером религиозного экстремизма может служить арабский терроризм в Палестине и современный исламский терроризм. Возвращение к истокам чистого ислама подразумевает возвращение к ранним моделям ислама, которые формируют социальный образ, которому свойственны воинственность, аскетизм, кроме того, закрытый характер организации привлекает умы молодёжи. Религиозный экстремизм порождается такими стереотипами, как отчуждение личности от государства, потому что власть потеряла свой авторитет и не оправдала надежд и ожиданий. Кроме того, в условиях демократизации общества отсутствие противовесов деструктивным силам породило соблазн организации экстремистских групп. Следует упомянуть и о том, что религиозный экстремизм в современных условиях – это высоко прибыльный бизнес, включающий в себя экспорт идей, оружия и наркотиков. Всё это вместе создаёт благоприятную почву для создания экстремистских групп, которые выдвигают своих политических лидеров, которые, как правило, не имеют достаточного религиозного образования, но выступают с обоснованиями необходимости экстремистских действий на основе исламских принципов. В мусульманском обществе, где очень велика роль религии, учение исламистов воспринимается большинством населения в качестве истинных принципов религии, тем более, что пропагандистская деятельность экстремистов, основанная на религиозном учении, часто соединяется с традиционной враждебностью по отношению к Западу во главе с США, которые покровительствуют Израилю, а значит, евреям, которых Коран относит к категории злейших врагов мусульман. Это усиливает уверенность населения в необходимости войны между исламом и Западом во главе с США, с одной стороны, и стимулирует экстремистские тенденции, убеждая новых сторонников исламистов в необходимости строгого соблюдения религиозных обязанностей в джихаде, с другой [10]. Запад продолжает рассматриваться с точки зрения колониальной опасности. В последние три десятилетия эта ненависть обрела и религиозный характер. В противостоянии с Западом исламизм ставит глобальные задачи: помимо возрождения мусульманской империи и объединения всего мусульманского мира в единую нацию, восстановление былой исламской славы. Решение этих задач основывается на восприятии уникальности ислама как религии, являющегося неотъемлемой частью политики и образа жизни в целом. Многовековое преимущество мусульманского мира над христианским Западом в прошлом, с одной стороны, и исламизм, получивший новый импульс к возрождению через деятельность различных движений, с другой, должны, по мнению исламских идеологов, внедрить в сознание широких масс мысль о том, что исламская победа близка и осуществима [10]. При этом они ставят перед собой следующие цели:

– убедить мусульманское общество в том, что в исламе заложена скрытая мощь постоянного обновления в отличие от идейной слабости отмирающих доктрин Запада;

– вложить в сознание мусульман представление от масштабов опасности для ислама, исходящей со стороны Запада.

Экстремистские идеологи стремятся сплотить мусульманский мир в единую силу, способную покорить Запад. Большинство арабских правительств и режимов экстремисты считают ставленниками Запада и поэтому выполняющих его волю. По мнению экстремистских идеологов, уже наступило время священной войны между мусульманским миром и западной политической культурой, направленной против ислама. Возможность такой войны оправдывается тем, что члены исламистских групп не являются террористами, а являются воинами на пути Аллаха. А так как враг находится повсюду, даже внутри исламских государств, эти войны должны вести постоянную войну на многих фронтах. Более того, поскольку они противостоят глобальному заговору против ислама, то их войну надо рассматривать как самооборону. Так как неверные ведут войну против ислама без правил, то и сторонники ислама не должны отказываться от всевозможных методов защиты [10].

В поисках объяснения нестабильности, с которой сталкивается современное международное сообщество, политологи часто ссылаются на понятие «фундаментализм». В исламе его рассматривают как течение, требующее возврата к истокам ислама, к Корану, при этом допускается свободное толкование положений шариата, кроме догм, ритуала и коранических запретов. Часто представителей фундаментализма называют модернизаторами и охранителями ислама. Хотя фундаментализм рассматривается в основном как иррациональное явление, создающее основу для противодействия модернизации и демократизации общества, а также как ступень для перехода к исламскому экстремизму и религиозному фанатизму: фундаментализм – исламизм – исламский радикализм.

Для Запада фундаментализм ассоциируется исключительно с исламским радикализмом, как своеобразное зло, возникшее взамен исчезнувшего коммунизма. А представители леворадикальных течений исламского мира трактуют фундаментализм как одно из течений религиозного возрожденчества и связывают его с борьбой против так называемого «культурного империализма Запада». Следует отметить, что фундаментализм вышел за рамки чисто религиозного течения и приобрёл общественно-политический характер. А.В. Малащенко полагает, что фундаментализм – это «форма выражения цивилизационной константы, а суть её в стремлении воссоздать фундаментальные основы своей цивилизации, очистив её от чуждых инноваций, вернуть ей истинный облик» [2, с. 10–11].

С. Смирнов писал, что «каждый мусульманин должен толковать Коран и руководствоваться его предписаниями в меру своих возможностей. Нельзя только отклоняться от Корана», то есть следует поступать так, как поступил бы пророк Мухаммад в существующих в данный момент условиях [4]. Фундаментализм – это обращение к основам вероучения всякий раз, когда существенно меняются условия жизни.

Активизация исламского фундаментализма на современном этапе объясняется рядом причин:

– ислам – очень цельная религия, в которой нет деления на духовное и светское; эта религия проникла во все сферы жизни общества: в общественное сознание, мораль, семейные отношения, культуру, литературу, политику;

– в конце XX в. мусульманский мир столкнулся с глубоким системным кризисом: общество было разочаровано процессом демократизации, переживало обнищание, понижение социального статуса людей, большая часть общества была разочарована в своих этнических элитах, правительстве, которое не могло помочь гражданам своей страны выйти из кризиса, поэтому большая часть населения обращалась к исламу как альтернативе демократическому обществу;

– обращая общество к религиозным традициям, фундаменталисты стремятся создать новую модель общества, которая бы противостояла глобальной системе империализма;

– важную роль в становлении феномена фундаментализма сыграл и затяжной социально-экономический кризис в мусульманских странах, где рыночные реформы не принесли заметных результатов и лишь усугубили социальные проблемы в жизни основной массы населения;

– в мусульманских странах у власти чаще всего тоталитарные и диктаторские режимы, при этом фундаменталисты создают общественные и политические структуры (мечети, модельные дома, больницы, школы), действующие либо наряду с государственными, либо в обход них, при этом лидеры фундаменталистов чаще, чем официальные власти, обращаются к простому человеку, выдвигают понятные ему лозунги.

Фундаменталисты, по мнению многих востоковедов (И.В. Кудряшовой, Р.Г. Ланда, Д.Б. Мальшевой, Л.П. Полонской и др.), ставят своей целью исламизацию всех сторон общественно-политической жизни, стремятся возродить исламские институты семьи, брака, госу-

дарства, права в их традиционном виде. Фундаментализм функционирует как политическая идеология, отрицающая западно-христианскую цивилизационную модель.

Однако следует подчеркнуть, какими бы принципами не руководствовались сторонники фундаменталистской идеи, цель у них всегда одна – захват политической власти и подчинение всей жизни общества законам шариаата.

«Утверждение ислама в современной политической жизни мусульманских обществ, – считает Салем Мансур, исследователь явления исламизации, – знаменует собой начало новой более осознанной фазы в развитии народа, решающего проблемы модернизации» [7, с. 433].

«Исламское пробуждение» продолжается как широкое религиозно-социальное движение, имеющее место практически во всех мусульманских странах и на международной арене. Исламисты работают в самых различных сферах мусульманского общества: детских садах, школах, университетах, молодёжных лагерях, средствах массовой информации, в экономике (исламские банки, инвестиционные и страховые компании, промышленные и аграрные предприятия), в сфере социальных услуг (больницы, клиники, благотворительные организации). Мусульманские студенческие ассоциации существуют в каждой мусульманской стране и во многих немусульманских странах, где есть значительное число учащейся молодёжи (например, в США, Франции, Великобритании, ФРГ). Исламисты, по сути, воспитали новое поколение лидеров, прослойку чиновничества, специалистов, военнослужащих, ориентированных не на светские, а на исламские ценности. Представителей этого нового поколения можно найти в Египте, Судане, Тунисе, Иордании, Иране, Кувейте, Саудовской Аравии и Пакистане. Молодёжные движения являются ударной силой исламистских организаций. Исламистски ориентированных людей можно встретить среди различных слоёв населения, среди образованных и неграмотных, специалистов и рабочих, молодых и пожилых людей, мужчин, женщин и детей [1].

Исламистские движения и исламистская идеология стали важной составной частью социально-политической жизни в мусульманских странах. Исламисты признают, что в их движениях ощущается нехватка харизматичных лидеров уровня Хасана аль-Банни или имама Хомейни, и это ослабляет их движения. Одной из трудно разрешимых проблем является также проблема единства в рядах исламистов. Совершенно обоснованна в этом плане точка зрения Г. Мирского, который полагает, что единого, централизованного, глобального исламистского движения не существует [3, с. 146–147]. Кроме того, между различными исламистскими организациями существуют серьёзные противоречия, постоянно идет борьба за лидерство в той или иной стране, за источники финансирования, часто выливающаяся в вооружённые столкновения (например, столкновения между «Хезболла» и «Амаль» в Ливане). Большинство исламистских организаций ищут пути к объединению своих усилий, в том числе и посредством создания международных неправительственных исламских организаций, а также посредством контроля над уже существующими подобными структурами.

Повсеместная исламизация общества и усиление активности исламистских движений оказывают большое влияние на приоритеты не только внутренней, но и внешней политики правящих кругов даже тех мусульманских государств, которые всегда были сугубо светскими и где религия была отделена от политики.

Таким образом, исламистские идеи определили специфику проявления экстремизма на Ближнем Востоке. Его следует рассматривать как религиозно-политический экстремизм, который характеризуется тем, что возрождает самое худшее в истории человеческих отношений: шовинизм, сепаратизм, национализм, нетерпимость ко всему чуждому, утверждение насилия в межэтнических отношениях. Исламистские экстремистские организации борются против светских правящих режимов за построение «правильного» мусульманского государства. Средства ими используются самые различные: и противостояние правящему режиму политическими и военными методами в целях последующего захвата власти, и распространение недоверия населения к правительству методами террора, и подрыв позиций правительства на международной арене, и пропаганда «чистого» ислама среди беднейших слоёв населения и др. А поэтому проблема исламистского экстремизма на Ближнем Востоке продолжает оставаться достаточно острой.

Список литературы

1. Донцов В. Е. Ислам в международных отношениях / В. Е. Донцов. – Режим доступа: <http://www.terroristica.info/node/155>, свободный.
2. Малашенко А. В. Мусульманский мир СНГ / А. В. Малашенко. – М., 1996. – С. 10–11.
3. Мирский Г. И. Дракон встаёт на дыбы / Г. И. Мирский // МэиМО. – 2003. – № 10. – С. 146–147.
4. Смирнов С. Экстремизм в исламе: истоки и тенденции / С. Смирнов // Континент. – 2000. – № 18 (31). – Режим доступа: www.continent.kz/2000/18/24.html, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Esposito John L. The Islamic Threat: Myth or Reality? / Esposito John L. – NY. : Oxford University Press, 1992. – P. 32–33, 205, 209, 212.

6. Fuller G. A. Phased Introduction of Islamists, in: Yehudah Mirsky, Matt Ahrens. *Democracy in the Middle East: defining the challenge* / G. A. Fuller. – Washington : The Washington Institute for Near East Policy, 1993. – P. 23–24.
7. Mansur. Salem. The Political Significance for Muslims of the Islamic Revolution in Iran // *The Iranian Journal of International Affairs*. – 1993, vol. V. – № 2. – P. 433.
8. Minc A. *Le nouveau Moyen Age* / A. Minc. – Paris : Galimard, 1993. – P. 32.
9. جمال الدين الافغانى "جميع المسلمين كلهم" // جريدة الوطن, اليوم السادس من شتات في سنة الفين و سبع.
10. سلمان الله عبد فلاح "الارهاب وسياسة السياسي الارهاب" جريدة الكتاب, اليوم التاسع من ايلول في سنة الفين و اربع عشرة.
11. فعاد السبع "الاسلام في الحاة" // جريدة المشرق, اليوم العشرون من ايار من سنة الفين و خمس.

References

1. Dontsov V. Ye. *Islam v mezhdunarodnykh otnosheniyakh*. Rezhim dostupa: <http://www.terroristica.info/node/155>, svobodnyy.
2. Malashenko A.V. *Musulmanskiy mir SNG*. M., 1996, pp. 10–11.
3. Mirskiy G.I. Drakon vstaet na dyby. *MeiMO*. 2003, no. 10, pp. 146–147.
4. Smirnov S. Ekstremizm v islame: istoki i tendentsii. *Kontinent*. 2000, no. 18 (31). Rezhim dostupa: www.continent.kz/2000/18/24.html, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Yaz. rus.
5. Esposito John L. *The Islamic Threat: Myth or Reality?*. NY.: Oxford University Press, 1992, pp. 32–33, 205, 209, 212.
6. Fuller G.A. *Phased Introduction of Islamists*, in: Yehudah Mirsky, Matt Ahrens. *Democracy in the Middle East: defining the challenge*. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 1993, pp. 23–24.
7. Mansur. Salem. The Political Significance for Muslims of the Islamic Revolution in Iran. *The Iranian Journal of International Affairs*. – 1993, vol. V. – № 2. – P. 433.
8. Minc A. *Le nouveau Moyen Age* / A. Minc. – Paris : Galimard, 1993. – P. 32.

АСТРАХАНСКИЙ РЕГИОН: ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ

Сусликова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент

Астраханский институт повышения квалификации и переподготовки
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Ульяновых, 4
E-mail: suslikoy@gumbler.ru

Этническая идентичность – ключевой психологический фактор, который определяет характер межэтнического взаимодействия в полиэтничном регионе. Целью эмпирического исследования является сравнительный анализ изменений этнической идентичности представителей доминирующего в Астраханском регионе русского этноса в юношеском возрасте за последние десять лет. Исследование проводилось по методике «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой. Полученные результаты выявили направление изменения этнической идентичности участников исследования в сторону гиперидентичности, которая может являться защитной психологической реакцией на глобальное политическое обострение отношений к России и русским в целом.

Ключевые слова: Позитивная этническая идентичность, трансформации этнической идентичности, гипо- и гиперидентичность, толерантность.

ASTRAKHAN REGION: TRANSFORMATIONS OF ETHNIC IDENTITY OF THE RUSSIANS

Suslikova Olga N., PhD. (Psychology), Associate Professor

Astrakhan Institute of Professional Development and Retraining
4 Ulyanov st., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: astripk@astripk.ru

Ethnic identity is a key psychological factor that determines the nature of interethnic interaction in a multi-ethnic region. The subject of the research is the ethnical identity dynamic of Russian young men dominating in Astrakhan region. The empirical research aims at comparative analysis of changes in ethnical identity of Russian boys and girls within the ten-year period. The study bases on the technique developed by G.U. Soldatova. The results obtained revealed the shift of respondents' ethnical identity to hyperidentity. The latter can be psychological defense reaction to the global worsening of attitude to Russia and the Russians. The changes in ethnical identity of Russian youth can entail tension of interethnic relations in poly-ethnic area.

Keywords: positive ethnic identity, the evolution of ethnic identity, hypo- and hyper-identity, tolerance

Наше время характеризуется глубокими изменениями в обществе и человеческой культуре в целом. Происходит процесс усиления единообразия в условиях жизни, стандартизации быта благодаря перемещению потоков людей, товаров, информации, технологий. Складывается единая общечеловеческая культура, которая позволяет взаимодействовать различным наро-